

Русь приняла христианство в конце 980-х гг. Прежде славянские племена были приверженцами древних религиозных воззрений, названных христианской церковью языческими. Особо отличающиеся киевским летописцем поляне как мужи мудрые и смысловые были такими же язычниками: «...бяхуже погане, жруще озером и кладязем и рощением, якоже прочии погани»¹. Принятое от Византии христианство было автократического государственнического толка и внедрялось средствами принуждения с повсеместным разорением и истреблением языческих мольбищ. Старые кумиры в Киеве и Новгороде были свергнуты и частью иссечены, частью разбиты и утоплены².

Новая религия с трудом находила дорогу к душам новообращаемых. Особенно упорно стояло за старую веру население городов севера и северо-востока Руси и лесной глубинки. Новгородцы поклялись на вече «не дати идолы опровергнути» и оказали вооруженное сопротивление посланному для их крещения Добрыне. Подавив мятеж «Добрыня ... идолы сокруши, деревянии сожгоша, а каменнии изломав, в реку вергоша; и бысть нечестивым печаль велика. Мужи и жены видевшие тое, с воплем великим и слезами просяще за ня, яко за сусчие их боги». Новгородцев потом укоряли: «Путята крестил мечем, а Добрыня огнем»³.

В неурожайные 1060-1070-е гг. обращение к содействию древних богов почитается наиболее действенным средством. В 1071 г. в Ярославле и Белоозере два волхва возглавили поход против старой (знатной) чади. В Киеве волхв вещал о явлении пяти богов (Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Макошь), которые пророчили, что Днепр потечет вспять. В Новгороде все люди встали за волхва и собирались убить епископа⁴, а в 1068 г. в Киеве его «свои холопе удавиша»⁵. Упорное сопротивление староверцев-язычников введению христианского вероучения жестоко подавлялось. В 1071 г. Ян Вышатич присуждает бунтовавших волхвов к смерти в Усть-Шексне, а князь Глеб решительно пресекает мятеж новгородцев против епископа, прилюдно зарубив топором их предводителя волхва⁶. В 1226 г. на Ярославском дворе в Новгороде сожгли четырех волхвов, творивших богопротивное волхование⁷. С трудом прививалась новая вера и в Ростовской земле. Посланные сюда первые проповедники – епископы Федор и Илларион вынуждены были спасаться бегством. Вновь поставленный епископ Леонтий был сначала изгнан из города, а затем убит⁸. В конце XI в. преподобный монах Авраамий посмел разбить каменный идол Велеса в Чудском конце Ростова, но от того изнемог. Впоследствии он преодолел дьявольские напасти и построил на месте идола церковь⁹.

Религиозные представления возникли от жизненной потребности защитить себя от темных непознанных сил природы. Славянское язычество от глубокой древности было наследием многих поколений и воспринималось как бесспорное божественное откровение. Оно выражалось в обожествлении различных природных сил и явлений: «...овы прельстити в тварь веровати и в солнце же и в огонь и во источники же и в дерева и во ины различны вещи»¹⁰. Священные источники, дубы и рощи-рощения как места древних капищ дожили до позднего средневековья. В лесной зоне Восточной Европы особенно почитаемыми объектами для святилищ и жертвоприношений служили крупные отдельно лежащие камни, особенно у водных источников, где они выпадали из толщи наносных пород в процессе образования оврагов и речных потоков.

В Ярославском Поволжье поклонение камням сохранялось долгие годы спустя после сплошной христианизации края, что достаточно хорошо зафиксировано в историко-этнографических публикациях. Древние культы, в том числе и культ камней, как существенная часть духовных воззрений средневекового населения Волго-Окского междуречья рассматриваются в специальных работах И.В. Дубова¹¹. И.В. Дубов предлагает в полной мере использовать объекты культа в качестве источника по истории Руси IX-XII вв. Задаваясь вопросом, с каким этносом было связано поклонение «синему камню» на оз. Плещеево, он присоединяется к мнению С. Васильева, что это «имело место в VIII-IX вв., когда берега озера заселяло финно-угорское племя меря, позднее этот же культ был распространен и среди словен, расселившихся здесь в X-XI вв.»¹² В новопоселенцах И.В. Дубов видит выходцев из Новгородской земли, где поклонение камням было широко распространено.

Однако возникновение и отправление языческих культов необходимо рассматривать в более широком общеисторическом плане. Культ камней несомненно существовал уже у человека

эпохи верхнего палеолита, когда он начал расписывать стены пещер и скал фигурами животных. Развитие этого культа прослеживается от росписи и гравировки на скалах эпохи верхнего палеолита и мезолита до библейских и евангельских сказаний. Заповеди, полученные Моисеем от Бога, были записаны на каменных скрижалях. Иисус Христос определяет первосвященником новой церкви апостола Петра, трижды его предавшего (Петр - греческий перевод с арамейского Кифа - камень): «И Я говорю тебе, ты - Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ея.»¹³ Введение религии единого бога Яхве и учреждение церкви Нового завета утверждается очень архаичным культом священных камней.

В Ростовской земле было известно немало языческих требищ у священных камней. На северо-восточном берегу Плещеева озера в 0,5 км к северо-западу от Александровой горы лежит загадочный Синий камень (рис. 1, 2). Изначально он находился в Никитском овраге, «за Борисом и Глебом в бояраку» (рис. 1, 1). Местное население почитало его божеством и поклонялось ему, что возмущало служителей церкви как идолопоклонство и богоотступничество: «В нем же вселился демон, мечты творя и привлекая к себе ис Переаславля людей: мужей и жен и детей их и рассевая сердца их в праздник великих верховных апостол Петра и Павла. И они слушаху и к нему стекахуся из году в год и творяху ему почеть»¹⁴. Поклонение переславцев Синему камню было одним из древних освящаемых традицией обрядовых молений, обращаемых к многообразным природным силам и стихиям.

Древнейшие стоянки человека на Плещеевом озере известны с эпохи мезолита, т.е. с 8-6 тыс. до н.э. Одна из них расположена близ устья Никитского оврага (Галев поток). В 5-3 тыс. до н.э. в бассейне Плещеева озера распространяются многочисленные памятники, оставленные племенами различных неолитических культур. Религиозное мировоззрение человека эпохи мезолита и неолита было неразрывно связано с охотничье-производственной магией. Для успешной охоты на лесного зверя проводились сложные ритуальные представления, имитирующие реальную охоту с удачным исходом. Магические пляски и песни-заклинания спланировали коллектив, как бы намечали план действия и вселяли уверенность в успехе предприятия. Уединенный Синий камень у источника был выразительным объектом для колдовских церемоний. Он мог изображать и образ реального и тушу убитого зверя и был подходящей мишенью для ритуальных укулов и ударов. У камня могли проводиться обряды инициации, посвящение мальчиков в ранг охотников и какие-то общественные празднества.

В эпоху каменного века на Ярославщине возник и получил особое развитие культ медведя, зафиксированный у племен волосовской и фатьяновской культур и у населения эпохи средневековья¹⁵. У древних охотников медведь почитался и как предок-родоначальник, и как тотем, и как звериный двойник человека, и как хозяин леса, зверей, покровитель охоты. Остаточный медвежий культ сохранился в охотничьем заговоре-заклинании, записанном в XIX в. в Ярославской обл. Охотник сзывает себе в помощь «большеухих и малоухих, рогатых и косолапых, хвостатых и шерстатых». Таинственные «слуги-сторожа» «не кто иные, как благожелательные к охотнику полулюди, полуживотные, вроде персонажей палеолитических росписей»¹⁶.

Родство человека с медведем отразилось в табуировании его названия. Животная форма в историческом развитии была ранней, в которой человек осознал охранительное божество и свою связь с ним. Возник запрет на убийство тотема, тем не менее раз в год совместно убиваемого и поедаемого в соответствии с определенным ритуалом. Не случайно в медведя обычно превращались колдуны-оборотни. Медведь-тотем представляет собой зародышевую форму культовых мифов. В мифах зооантропоморфный предок в конце своих странствий уходит в землю. На этом месте остается камень, скала и т.п., а иногда он сам превращается в эти предметы. Такие камни, скалы, источники становятся местом отправления культа. Далеким отголоском тотемистических воззрений представляется легенда о Медведь-камне, записанная в Костромской области. На нем видели сидящего старичка с бородой ниже колен, или медведя, покрытого седоватой шерстью. При подходе к камню видение пропадало (уходило в камень?). Последний раз старичка-медведя видели незадолго до 1941г.¹⁷

В обществах с земледельческо-скотоводческим хозяйством охранительная сила медведя распространялась не только на людей, но и на скот. В Верхнем Поволжье знаменательно

сближение или отождествление медведя со скотым богом Велесом. Функцию охранителя домашнего скота у населения Волго-Клязьминского междуречья медведь обретает во 2 тыс. до н.э., когда в среду местного охотничьего населения вторгаются племена скотоводов фатьяновской, абашевской и поздняяковской археологических культур. Пришельцы растворились в аборигенном населении, но привнесли в него свои обычаи и верования. Под их влиянием совершается переход от эпохи неолита к эпохе бронзы. Хозяйство из присваивающего охотничье-рыболовецкого преобразуется в производящее скотоводческое. Видимо, от индоевропейцев-фатьяновцев было унаследовано имя божества Волос – Велес, скотий бог в русском летописании.

Иное культурное влияние проистекало от лесостепной абашевской культурной общности, по происхождению связанной с племенами степной ямной культуры индоиранской языковой семьи. На некоторых курганах ямной культуры ставились каменные надгробья, большей частью в виде антропоморфных стел. Они не были статуями в полном смысле слова, но несомненно ставились на могилах особо почитаемых предков и вождей. Им продолжали поклоняться и другие народы много веков спустя. В основании одного кургана в Кухмарском могильнике на Плещеевом озере, оставленном абашевцами во второй половине 2 тыс. до н. э., стоял валун яйцевидной формы высотой ок. 1,5 м. Сооружение воссоздавало какой-то обряд специфической степной культуры, в котором был соблюден антропоморфный принцип, а сам камень был образом особо почитаемого предка-вождя. Видимо, тогда и зародилась идея перевоплощения зверя в человека и обратно.

В VIII-VII вв. до н.э. в Волго-Клязьминском междуречье сложилась дьяковская археологическая культура раннего железного века. В конце VII – начале VIII в. н.э. под воздействием притока новых групп населения, финно-язычного из бассейна Средней Оки¹⁸ или славяно-балтского средневропейского¹⁹ на этой территории образуется мерянская этническая общность. Основу хозяйства мери составляло развитое скотоводство и пашенное земледелие. Начальная русская летопись называет озера Неро и Плещеево центром (двумя центрами ?) расселения мери: «На Ростовскомъ озере меря, а на Клещине озере меря же»²⁰. В IX в. меря входит в орбиту складывающегося древнерусского государства. Около середины 10 в. начинается древнерусская колонизация мерянской территории. В процессе синтеза славянских и мерянских элементов сформировалась культура Ростовской земли.

В результате сложных общественно-экономических и этно-культурных процессов в мировоззрении общества происходили серьезные изменения. Удача или неудача в охоте с непременным обращением к средствам первобытной магии для земледельца и скотовода уже не имели решающего значения. Расплывчатые безликие образы волшебных природных сил персонифицируются. Божества обретают антропоморфный облик с новыми функциями, необходимыми в условиях изменившейся производственной практики. Но старые функции божеств не отмирают целиком, а сохраняются в большем или меньшем объеме.

Для мерянского общества, ведущего комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, Синий камень мог олицетворять определенного бога с именем Волос – Велес. Видимо, имя отражало табуированное название медведя по признаку волосатости-волохатости. Не отсюда ли происходит название волхвов, при отправлении культа обряжавшихся в звериные шкуры? Имя этого бога засвидетельствовано многочисленными капищами Волоса-Велеса в Ростовской земле. В Чудском конце Ростова был священный дуб, возле которого стоял каменный идол Велеса. Он был перенесен от с. Угодичи, где прежде стоял на Велесовом камне. Велесов камень с идолом был при д. Тряслово на берегу р. Воробыловка. Все эти камни назывались синими независимо от их цвета. Капища, посвященные Велесу отмечены и в других местах: Велесово дворище с дубовым истуканом у д. Ангелово, дуб Велеса и Ярилы с прислужником-жрецом у д. Любилки и др.²¹ Ценное исследование о культовых камнях на Ярославщине провела Арья Альквист, правомерно связывая священные камни с культом Волоса – Велеса²².

В древнерусский период первостепенное значение в хозяйстве приобретает земледелие, возделывание и выращивание хлебов. В Ярославском Поволжье культ Велеса постепенно замещается культом Ярилы, божества плодоносящей силы зерна-семени. Этому способствовало совпадение функций божеств, их связь с идеей умирающего и воскресающего

бога, с культом предков. Все содержание и смысл религиозных обрядов совершается в строгом соответствии с аграрным календарем. Важнейшая фаза в развитии хлебных злаков приходится на конец весны и начало лета. Особо выделяется период с 25 мая по 25 июня, на стадии выхода злаков в трубку и колошения. Все зависящее от труда хлебороба было сделано: поле возделано, зерно посеяно, дало всходы и пошло в рост. Оставалось воздействовать на будущий урожай магическими средствами, молениями о дожде и солнечном тепле.

Летний цикл празднеств подобно зимнему назывался зелеными святками или русалиями. Памятник XVI в. Стоглав выделяет эти два цикла в качестве важнейших: «Русальи о Иванове дни и в навечерии рожества христово и в навечерии богоявления господня»²³. Они симметричны и отмечают узловые моменты в годовом солнечном цикле, дни зимнего и летнего солнцеворота. В зимние двенадцатидневные святки подводились итоги минувшему году и проводились магические заклинания и гадания на все 12 месяцев предстоящего года. Зеленые святки проводились в разгар лета, когда решалась судьба урожая. Русалии – общеславянский аграрный праздник. Он посвящался русалкам, связанным с росой и водной стихией. Генетически он восходит к водяным женским божествам-берегиням. Согласно летописям XII в. русальная неделя проводилась в сроки от 4 июня – Ярилина дня, до летнего солнцеворота 24 июня – дня Купалы. У русских центральных губерний (Ярославской, Тверской, Казанской) Иван Купала сохранил в народе древнее имя божества – Ярило. Праздник справлялся в те же сроки, что и Купала в южных губерниях и восходил к великому празднику апогея лета.

Зафиксированные в нач. XVII в. игрища у Синего камня на Плещеевом озере проводились на Петров день, в ночь с 28 на 29 июня, несколько позже общепринятого дня Ивана Купала²⁴. Это произошло под влиянием христианства. Языческие праздники оказались частью перекрытыми, частью сдвинутыми со своих мест в календаре христианскими праздниками. Послепасхальные праздники (Вознесение, Троица-Пятидесятница, Рождество Иоанна Предтечи) практически перекрыли зеленые святки-русалии. Ярилин день 4 июня оказался связанным с Троицей. День Ивана Купалы 24 июня был перекрыт днем Иоанна Предтечи. В дополнение к этому русская церковь уже в XI в. учредила свой особый петровский пост. В зависимости от Пасхи он длился от одной недели до пяти, до 29 июня. В любом случае главный языческий праздник, купальские русалии, перекрывался христианскими.

Синий камень лежал в овраге у ручья с чистой, «живой» водой. Поставленный вертикально в виде стеллы он мог представлять собой внушительного кумира высотой ок. 3 м и у окрестного населения был главным атрибутом святилища. В древнерусское время святилище стало религиозным центром округа, население которой неуклонно увеличивалось начиная с X в. На побережье озера от Никитского оврага до д. Криушкино протяженностью ок. 6 км известно 12 селищ VIII-XVII вв. и 16 курганных могильников X – нач. XIII в. Несколько селищ и два курганных могильника было на южном берегу озера у с. Веськово. Массив могильников на Плещеевом озере насчитывает более 2200 курганов и относится к одному из крупнейших на Руси. Около 1106-1109 гг. на мысу между оврагами Лисий-Влсий (Малая Слуда) и Глинницы был основан г. Переславль старый или Клещин – княжеский административный и военно-оборонительный центр (рис. 1, 4). В 1152 г. центр был перенесен в новый Переславль при устье р. Трубеж, в 2 км к югу от святилища. Бедствия монголо-татарского нашествия и Смутного времени существенно не изменили демографической ситуации в районе. Сохранились города Переславль и Клещин, возникли новые слободы, в т.ч. Борисоглебская, Никитская, Троицкая²⁵.

«Житие», повествующее о пребывании преподобного Иринарха в Никитском монастыре в 1609 г., говорит о массовом характере сборищ у Синего камня. О том же свидетельствует и донесение пустынноика Памфила псковскому наместнику в XVI в.: «Егда бо придет самый праздник, тогда во святую ту ночь мало не весь град возматется, в селах возбесятся, в бубны и сопели и гудением струнным, плесканием и плясанием...»²⁶

Православная церковь повела борьбу с язычеством с самого начала крещения Руси. Проповеди-поучения против язычества неизменно повторяются вплоть до XVIII в. включительно. Летописец 11 в. объясняет бедствие киевлян от нашествия половцев

отпадением от истинной веры и преклонением к дьяволу: «...дьявол обманывает, ...всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ утопаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, – а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви»²⁷. Языческие обряды в крестьянской среде порицаются и в церковных проповедях и запретах XVI-XVIII вв.: «Чтобы православные христиане ... в рощи не ходили и в наливках бы бесовских потех не творили, понеже все то – еллинское беснование и прелесть бесовская»²⁸. Недовольство вызывало и то обстоятельство, что церковь лишалась части доходов, которые приносились в жертву языческому идолу к вящей радости сатаны: «...всегда от кумирслужения жертву приемлю но не могут мя тако обвеселити яко сии от крестьян приносимые»²⁹.

Великую неприязнь пастырей возбуждают волхвы-гуслиеры, музыканты и скоморохи – организаторы и предводители ритуальных игрищ: «И поиде человек с сопелми и по нем много народу. Овии поуще и плещуще и се окании (окаянные) беси видевши и возрадовашася радостию великою и начаша ити льстити ти овии на игры и на плясание иные на песни»³⁰. Музыканты, устроители-заводилы игрищ, объявляются творениями сатаны, обращенными в людей бесами: «Умысли сатана како отвратити людей от церкви и, собрав беси, преобрази в человеки, и идяще в сборе велице упестрене в град, ови бияху в бубны, друзии в козици и в сопели сопяху, инии же, возложыше на я скураты, деяше на глумление человеком ..., и нарекоша игры те русалия»³¹. О том же говорится в памятнике XVIII в. («Исповедь каждого чина по десятисловью»): «Иные же лица свои некими страшилами закрывают, страшаше и утешаше людей, а иные соплетают себе венц от разноцветных трав и возлагают на главы своя и опоясываются ими. Иные же огонь кладут, и взявшеся за руце около огня ходят и через огонь скачут и песни поют часто повторяют скверного купала»³². Дошло до указов царя Алексея Михайловича воеводам на местах с требованием уничтожить музыкальные инструменты скоморохов. В грамоте воеводе г. Белгорода в 1648 г. он наказывал: «А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и всякие гуденные бесовские сосуды, и тыб те бесовские велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь»³³.

Язычество искоренялось посредством ниспровержения идольских кумиров, разорения и уничтожения древних святилищ и реликвий. Ликвидация «скверных мольбищ идольских» производилась сразу по крещении во всей Русской земле. Но и в XVI в. Иван Грозный понуждал архиепископа Новгорода Великого Макария «... прелесть оную искоренить и просветить божественным учением». Архиепископ «... в святой Софии молебны пел и воду святил и с тою священной водою и своею посыльной грамотой послал для того своего священника инока Илию: ехав и обрета те места с молитвой стал искоренять прелести кумирские и скверные мольбища, леса сечи, и огню предавати, камение же чве в воду метати, а некрещеных крестил»³⁴. Несомненно, миссия Илии была подкреплена силой: за 2-3 дня до его приезда бесы (волхвы) бежали от мольбищ с криком и воплями.

Предпринимались меры и по уничтожению главного божества при святилище в Никитском овраге – Синего камня. По повелению преподобного Иринарха дьякон одной из переславских церковей Ануфрий сбросил его в яму. Но народ твердо верил в охранительную силу своего древнего бога. Синий камень напустил на дьякона порчу за поругание над ним: «А дьякон в то время вельми изнемогше студению трясовишною и не могий терпети студени и влазяше в печь по напущению врага противяся добродетели, что он дьякон сотворил старьцово послушание»³⁵. Не даром все местные жители среднего и старшего возраста отказывались содействовать Илие в разорении святилищ, опасаясь ответной вредоносной реакции своих старых богов.

Народ твердо веровал в охранительную силу древних богов. Эта приверженность не означала полного отрицания христианского вероучения, немислимого в средневековье. Заклинательные обряды и идолопоклонство были неотъемлемой составной частью «народного христианства». Устойчивая приверженность к древней обрядности была обусловлена ее неразрывной связью с аграрным календарем. Православные переславцы и в начале XVIII в. продолжали поклоняться Синему камню. За низвержение камня в яму народ сделал дьякона презренным посмешищем: «И демон сопротивяся ... дьякону и наведя на него от Иереев и от христиан и от роду его ненависть и посмех и всякие неподобные речи и

клевету и продажи и убытки и немощи и всякие скорьби»³⁶. Видимо, церковь Ануфрия потеряла по этому случаю немалое число своих прихожан.

В северных губерниях России широко известны камни-следовики с естественными или специально выбитыми углублениями на поверхности, которые объявляются следом ступни или руки Иисуса Христа, Богоматери, местного святого. Двоеверцы христиане-язычники совершали при них различные ритуальные действия с жертвоприношениями, о которых с осуждением повествует автор 14 в.: «О, убогая курята! Яже на жертву идолом режутся; инии в водах потопляемы суть, а инии к кладезем приносяще молятся и в воду мечють»³⁷. Подобные жертвоприношения совершались у камня при д. Еросимово близ г. Углича. Камень размерами 5х3х1,5 м омывается ручьем Кека. На его поверхности выбит углубленный знак в виде следа куриной лапы, который может символизировать также и акт жертвоприношения – обезглавленную распластанную птицу. В самом Угличе еще в 30-х гг. XX в. в 100 м к ЮЗ от церкви Николы на «Петухах» в бывшей Петуховой слободе лежал камень «величиной с порядочный стол». На верхней плоскости камня был выбит четырехпалый след петушиной лапы длиной 30 см. По легенде в случае тревоги громадный петух в полночь садился на камень и троекратным криком предупреждал об опасности. Старушки с опасением обходили камень стороной³⁸. Позже камень был разбит на мостовую. Камень «Петух» был и в долине р. Нерль Волжская в Переславском районе³⁹.

Действенной мерой по пресечению игрищ на языческих требищах было поставление в этих местах христианских храмов и часовен. В XIII в. на правом берегу оврага, в котором располагался Синий камень, был основан Никитский монастырь (рис. 1, 3). Позднее на противоположной стороне оврага возник Борисоглебский Надозерный монастырь. Около середины XIV в. построенное на вершине Александровой горы монастырское заведение, филиал Никитского монастыря, закрыло древнее святилище – Ярилину плешь (рис. 1, 5). В г. Пскове в 1420 г. во время эпидемии («бысть мор велик зело») горожане провели археологические раскопки, чтобы отыскать фундамент первоначальной церкви Власия, видимо построенной на месте святилища в честь Велеса-Волоса. Необходимо было «... найти древнее, вдвойне священное, место – и языческое капище и одну из первых церквей Пскова»⁴⁰. Не совсем чуждое духу народного двоеверия духовенство старалось придать христианским храмам как бы двойную святость: «... куда же древе погани жряху бесом на горах – туда же ныне церкви стоят златоверхия»⁴¹.

Иногда камни обращались в церковные реликвии, при них совершались крестные ходы и водосвятия – действия вполне языческие по смыслу, но под руководством священников. До XVI в. лежал на берегу р. Волхов заурядный камень. Кто-то обратил внимание на некоторое сходство формы валуна с маленькой ладьей. Была сочинена легенда: на этой «ладье» основатель монастыря Антоний Римлянин прибыл из Италии во время бури «...абие внезапно едина волна напрягшися и подъят камень, на нем же преподобный стояше и несе его на камени яко бы на корабли легце» и через двое суток он очутился на берегу реки, «нарицаемой Волхова». Около 1547-1552 гг. камень водрузили в церковь «...с великою честью не бездушну каменю честь воздавая, но стоявшему на нем преподобному Антонию». В XVI-XVII вв. камень почитался церковной реликвией и прославился исцелениями. Теперь он лежит в притворе собора Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря в небрежении⁴².

Правоверные христиане не считали за грех использовать в поклонении бездушный камень при часовне в Никитском монастыре. По легенде Никита столпник, известный переславский мытарь и мздоимец, совершал подвижничество и замаливал свои грехи, утруждая свою голову каменной «шапкой». Богомольцы в усердном поклонении подвижнику надевали его вериги и с «шапкой» в руках трижды обходили часовню, поставленную на месте столпа. После изъятия «шапки» в канцелярию московского синодального приказа в 1735 г. для троекратного обхода часовни камень брался от ее ступеней⁴³.

Видимо в целях сугубой святости церковью языческие святыни использовали для строительства новых церквей. В 1788 г. Синий камень было решено замуровать в фундамент церкви во имя Святого Духа в Переславле. Не случайным был и выбор церкви с престолом на второй день Троицы, близкий по срокам дню Ярилы и купальским русалиям. Для транспортировки камня к месту постройки был выбран наиболее экономичный путь по льду

озера, без значительных подъемов и спусков. От Никитского оврага дорога шла по прямой к устью р. Трубеж, затем по реке и рву до ул. Большая Протечная, где строилась церковь. Дело было в начале зимы. Тяжелый камень проломил еще неокрепший лед и осел на дно. Строители явно просчитались, оценив вес камня в 250 пудов. По оценке В. Бердникова он весит не менее 750 пудов, т.е. не менее 12 т⁴⁴. Камень пролежал в озере около 60 лет. В конце 40-х гг. 19 в. он вновь «вышел» на берег. Народная молва приписала это «чудо» волшебному свойству камня. Видимо, это случилось весной 1850 г. Именно в этом году появились сообщения о камне в местной печати.

Простой народ нисколько не сомневался в магической силе камня и воспринял его «выход» на берег как должное. Просвещенные горожане искали рациональные причины явления. Инженер И. Несытов объяснял появление камня на берегу притяжением железа, залежи которого якобы должны быть в недрах приозерных берегов⁴⁵. Священник В. Доброхотов полагал, что камень был выдвинут на берег циркуляцией воды в озере, вызываемой течением р. Трубеж⁴⁶. Исчерпывающе правдивую версию «чуда» предложил Н.М. Меморский. В 1842-1869 гг. он служил в Переславле-Залесском священником Вознесенской церкви и известен как один из первых бытописателей города. Со ссылкой на свидетельство переславского старожила, купца Алексея Михайловича Глинкина, он утверждает, что камень был взят из Никитского оврага и перевозился по льду озера в начале зимы. Под его тяжестью лед проломился и он погрузился в воду на глубину не более 2 аршин – 1,4 м. Верхушка камня с самого начала выступала над поверхностью, а при спаде воды обнажалась на высоту до 1 аршина – 0,71 м. Видимо, он осел на дно боковым или торцовым ребром⁴⁷. Известно, что глубина озера начинает заметно увеличиваться не ближе 0,5 км от берегов. Дно песчаное, плотно укатано волнами. В плотный песок камень не мог увязнуть глубоко. Для его подвижки не требовалось воздействия циркуляции водных течений или намерзания некоего подводного льда как подъемной силы⁴⁸. Он ежегодно вмержал в лед и был подвержен подвижкам во время ледолома. При ураганном ветре торшение становилось необычным по силе и высоте, чему бывал свидетелем и сам Н.М. Меморский. Торосами камень был выдвинут на склон низкой террасы, сформированной береговым прибоем, где и лежит в настоящее время.

В разное время высказывались сомнения в подлинности Синего камня. По мнению скептиков настоящий Синий камень был разбит и использован в мостовой булыжного шоссе Москва-Ярославль. В свое время недоразумение разъяснил К.Н. Тихонравов, в 1853 г. участвовавший в раскопках курганов на Плещеевом озере под руководством П.С. Савельева. Информация о Синем камне ему была хорошо известна. Безусловно, он также знал, что переславский участок шоссе строился в 1840-1841 гг., когда камень был еще в озере. На устройство дороги был использован другой камень размерами около 5х4х2,5 аршина (3,5х2,8х1,75 м), тогда как Синий камень имеет размеры в среднем 3х2,6х0,7 м и представляет собой окатанный обломок плиты⁴⁹.

После выхода камня на берег паломничество к нему не возобновилось. Сказалось долгое пребывание камня в озере, а также общее разрушение и угасание традиционной календарной обрядности. Некоторые народные празднества были переосмыслены как христианские. В Переславле-Залесском народные гулянья проводились в неделю Всех святых. До конца XIX в. они устраивались традиционно в окрестностях Александровой горы. Не случайно гора до сих пор сохранила народное название – Ярилина плешь. В начале XX в. (1919 г.) народ стал собираться у городского кладбища Бориса и Глеба в то же воскресенье⁵⁰. Смысл праздника и сопровождающие его обряды были утрачены, но в нем еще усматривается обычай поклонения духам предков, один из элементов древней аграрной магии.

Казалось бы: «В наши дни гораздо менее бесов и привидений. (Бог знать куда девались они)»⁵¹. Но в некоторые моменты ломки и преобразований общественных отношений наблюдается обострение веры во всяческие чудеса и чертовщину, увлечение мистикой. В последнее время «святость» Синего камня на Плещеевом озере привлекает к себе повышенное внимание новых «паломников» из числа туристов и просто досужих личностей. Он сильно обезображен поклонниками нечистой силы, откалывающими от камня куски и кусочки в призрачной надежде запастись некоей долей космической или демонической «энергетики».

Якорь: #grim

1. НПЛ. М., Л. 1950. С. 105.
2. ПВЛ. СПб. 1996. С. 156.
3. Татищев В.Н. История российская. М. Т. 1. С. 113.
4. НПЛ. С. 191, 192, 196.
5. НПЛ. С. 473.
6. НПЛ. С. 192-196.
7. НПЛ. С. 270.
8. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1988. С. 3-22.
9. Ключевский В.О. Древнерусские жития... С. 26-38.
10. НПЛ. С. 105.
11. Дубов И.В. Культовый «синий камень» из Клещина // Язычество древних славян. Л. 1990. С. 27-36; Новые источники по истории Древней Руси. Л. 1990. С. 101-106; И поклоняющиеся идолу камени... СПб. 1995.
12. Дубов И.В. И поклоняющиеся идолу камени. С. 53.
13. Евангелие от Матфея. Гл. 16, ст. 18.
14. Житие преподобного Иринарха // Русская историческая библиотека. Т. XIII. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб. 1909. Изд. 2. Стб. 1349, 1374.
15. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. 1987. С. 19.; Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. IV. Ярославль. 1960. С. 25-93.
16. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М. 1980. С. 60, 61.
17. Рогалева С.Б., Яблоков А.В. Медведь-камень у с. Антоновское // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 6. 1992. С. 39-41.
18. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М. 1996. С. 21, 22.
19. Седов В.В. Славяне. М. 2002. С. 388-397.
20. ПВЛ. С. 10.
21. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М. 1885. С. 32, 33, 80, 116-119, 215, 216, 339, 340.
22. Arja Ahlqvist. Journal de la Societe Finno-Ougrienne 86, Helsinki. P. 7-32.
23. Стоглав. СПб. 1863. С. 141.
24. Житие преподобного Иринарха. Стб. 1373, 1374.
25. Комаров К.И. К истории населения побережья Плесеева озера в X-XIII вв. // СРМ. Вып. VIII. Ярославль. 1995. С. 137-172.
26. Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб. 1877. С. 147.

27. ПВЛ. С. 211.
28. Стоглав. С. 142.
29. Гальковский Н. Борьба христианства ... С. 266.
30. Гальковский Н. Борьба христианства ... С. 265.
31. Цит. по Даркевич В.П. Народная культура средневековья. М. 1988. С. 201.
32. Гальковский Н. Борьба христианства ... С. 304.
33. Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб. 1995. С. 172.
34. ПСРЛ. СПб. Т. V. 1851. С. 73, 74.
35. Житие преподобного Иринарха. Стб. 1374.
36. Там же. Стб. 1373.
37. Цит. по Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М. 1987. С. 514.
38. Потехин И.Н. Дыве угличские легенды // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич. Вып. 2. 1958. С. 35-37.
39. Смирнов М.И. По забытым путям Залесья // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Вып. 15. Переславль-Залесский. 1926. С. 37-72.
40. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. С. 420.
41. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. С. 138.
42. Макаров Н.А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. Л. 1984. С. 203-210.
43. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых ... С. 46.
44. См. Бердников В. Синий камень Плещеева озера // Наука и жизнь. 1985. № 1. С. 134-139.
45. Несытов И. Чудное свойство Плещеева, или Переславского озера // ВГВ. Владимир. 1850. № 45.
46. Доброхотов. Еще несколько слов об озере Плещееве (дополнение к статье г-на Несытова) // ВГВ. Владимир. 1850. № 50.
47. Меморский Николай. Отголосок на статью: «О чудном свойстве Плещеева, или Переславского озера // ВГВ. Владимир. 1850. № 52.
48. Бердников В. Синий камень, ук. соч.
49. Смирнов М.И. Старые боги // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Переславль-Залесский. Вып. 4. 1919. С. 7, 8. См. также: Мартынов А. Переславский ботик. М. 1872. С. 5, 6.
50. Смирнов М.И. Александрова гора // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. № 4. Переславль-Залесский. С. 9-14.
51. Пушкин А.С. Собрание сочинений в трех томах. М. 1985. Т. I. С. 396.